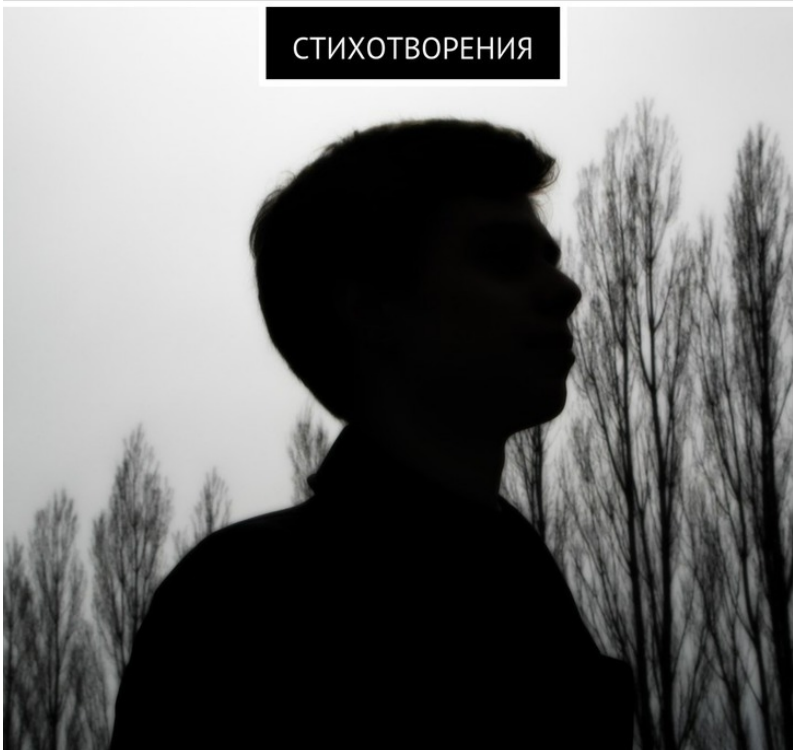

ВЯЧЕСЛАВ ВАСИЛЬЕВ

СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР

СТИХОТВОРЕНИЯ

Вячеслав Васильев

Северный ветер.

Стихотворения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34711728

ISBN 9785449302779

Аннотация

Добро пожаловать туда, где останавливается время. От автора сборника стихотворений «Чёрно-белое небо душевнобольного поэта». А я ушёл. И кажется, что всё, что было между нами, — просто ветер, летающий метелями по свету. В попытках отыскать твоё лицо...

Содержание

Бросок	5
Петербургские строфы I	7
Entwerden	12
Китобой	14
Пилигрим	16
Промокшие письма	17
«Оставайся чутким, ранимым, нежным...»	21
Дождь	22
Retrouvailles	23
В кафе у фонаря	27
«Мы пили воду, жалуясь на вкус...»	29
«Кричала детвора, напуганная псами...»	31
И стекало вино	33
Шизофрения	35
Дальний свет	37
Балтийский хлад	39
«Горизонт испытан такой массой взглядов...»	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Северный ветер Стихотворения

Вячеслав Васильев

© Вячеслав Васильев, 2018

ISBN 978-5-4493-0277-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Бросок

Лови, мой друг, осколок века,
Осколок данности печальной,
Осколок жизни человека
Не столь короткой, сколь печальной.
Лови прощение, о грешный!
У голой музы две причины
Пленить поэта. Бог, конечно, —
Дурная копия мужчины.
Лови мой облик взглядом кратким.
Забытым сном предстала совесть
Среди окраин Петрограда,
Где смерть – обыденность, не новость.

Лови, мой друг, остаток жизни.
Куда бежать сквозь тьму и выюгу?
Звенят заоблачные выси
По нам, совсем чужим друг другу.
Когда на набережной пусто,
И шум реки не слишком мрачен —
Идти сквозь жизнь не так уж грустно.
Страх смерти выслежен и схвачен.
Покой души лежит в основе
Стихов заезженных и слабых.
Лови, мой друг, кусочек горя

Весьма умеренных масштабов.

Лови, мой друг, остаток света.
Осипший голос просит слова
Из уст умершего поэта,
Чья слава к вечности готова.
Ему в ответ шумят приливы,
И звёзды вспышками мерцают.
Да, жизнь течёт для терпеливых
Без указательного пальца,
Что на курок нажать не может,
Не различая тьмы бездонной,
Когда мороз бежит по коже
И без того уже холодной.

Петербургские строфы I

*Так смолкают оркестры.
Иосиф Бродский*

I.

За заводом река – бесконечно скупое соседство
Багровеющих труб со студёными водами. Сжался
Над незрячим творцом одиноко стучащее сердце!
Я ловлю ритм колёс и слезами залитого вальса.

За заводом река – да и новость ли это, ей-богу?
Проходя взад-вперёд по сырому асфальту я видел
Как гремющий трамвай будто скальпелем режет дорогу,
А внутри всем плевать, и, особенно, едущим сидя.

За заводом река. Прислонись к парапету, бродяга.
Видишь утка плывёт против ветра. Забавно, не так ли?
Сигарета, как жизнь – горьковата, но вовсе не в тягость.
Против ветра плывёт... Даже утку по-своему жалко.

II.

Я не против тоски как явления – против привычки,
Занимающей мозг хуже всякого спирта и дыма.

Не согреться в ночи слабым пламенем гаснувшей спички
И теплом батарей. Не остаться в ночи невредимым.

Только чайник шумит, только окна свистят босяками.
Над пропитой тоской стаей чаек проносятся тучи.
Где-то солнце встаёт над замёрзшими ночью мостами,
Значит, всё хорошо. Значит будет когда-нибудь лучше.

Оперенье сменить, приготовиться к зимним полётам.
Всё белей полоса и сцепление меньше. Досада!
В своём доме пустом как в холодных стенах Камелота
На немую кровать опускать свою дрожь по глиссаде.

III.

Слышишь пение птиц? В том и дело – я тоже не слышу.
Неповинным церквям в одиночку слагать свои песни.
За заводом река, и кирпичные трубы всё выше.
Только дым в тишине остаётся поистине честным.

Только дым дарит сон, что поэт называет виденьем.
Только дым знает всё о безрадостной жизни скитальца.
Из бутылки лить спирт на истёртые оземь колени
Не поморщив лица – я до Бога хотел достучаться.

Я не верил словам, порицающим веру. Не верил.
Оказалось, был глуп. Так простите меня-недоумка.
За заводом река, но я прячусь от общества в сквере.
И бесцельно шумит здесь остатками листьев разлука.

IV.

Хорошо одному на промёрзшей скамье, на вокзале,
Хорошо одному на проспекте среди толп беспокойных,
Хорошо одному на покинутом всеми причале —
Это мантра глупцов бесконечно скупых и свободных.

Хорошо одному в опустевшем под вечер вагоне
Возвращаться домой по подземным изведанным тропам.
Только эхо гудит, только двери закрытые стонут.
Опустевший вагон – всеми признанный рай мизантропа.

Хорошо одному, только ложь эта давит на сердце.
Заходите в мой дом, разделите со мною чашку чая!
Пусть не сможем мы им утолить свою боль и согреться,
Это правильный путь – умирать, непрерывно общаясь.

V.

За заводом река полупьяная, полусвятая.
Проходя вдоль неё я всегда погружаюсь в раздумья.
Только смерть есть конец, только смерть навсегда
разлучает.
Значит, смерть есть разлук окончательно точная сумма.

Сумма тел и земли, что обильно полита слезами,
Душу рвущих «прощай» и разбитых сердец, несогласных,
Что лишь смерть может всё, что лишь смерть может

встать между нами,
Не спросив ничего и оставив без света и ласки.

Так не бойтесь её, не имея возможности выйти
Из сраженья живым с окровавленным чувством победы.
Всё молчит Петербург, чьи холодные зимние виды
Вечно греют людей лучше всякого тёплого плёда.

VI.

За заводом река. Как стремительно кончилась осень!
И ногам всё трудней бороздить побелевшую землю.
Окна старых домов словно чёрные очи колодца,
И, бросая в них взгляд, видишь только обмякшее тело

В луже собственных грёз с приоткрытыми ртом
и глазами.

Не вставай, старина, если больше не в силах бороться.
В этих серых краях почти все не в ладах с небесами,
Потому что они очень редко увенчаны солнцем.

Только дальше идти, сохраняя обет стихотворца,
И бросать кости псам, этим вечно голодным бродягам.
Кто сюда прилетел, тот уже никогда не вернётся —
Эта клятва сродни только Родине данной присяге.

VII.

Я не вышел лицом и поэтому часто задумчив.

Удлиняю анфас и глаза свои делаю строже.

Слишком много всего здесь решает бессовестный случай,

Оставляя нам жизнь, что конечно на жизнь не похожа.

Можно верить перу, можно верить словам, можно
слухам.

Да, бумага мудрей, только вкус сладких фраз так и манит.

Видеть правду и ложь – это та ещё злая наука.

Это та ещё боль – очищать пострадавшую память.

Так проносится жизнь чередой непроявленных кадров,
Чёрно-белой тоской, кратковременной радостью,
смехом.

Так проносится жизнь. Так смолкает оркестр эстрадный,

Оставаясь в ушах навсегда нарастающим эхом.

Entwerden

Где-то тлеет любовь, как уставший костёр,
Как фитиль одинокий.
Если вновь океан свои волны простёр
К небесам, значит, горько
И тоскливо ему, значит, больше нет сил.
Ветер дует из сказки
С несчастливым концом. Боже, как я любил
И желал твоей ласки...

Я бегу в Эмпирей, спотыкаясь о всё,
Что лежит на дороге.
В сероглазую даль мою душу несёт
Вера в хмурого бога,
Облачённого в сталь и скелеты сердец,
В бесконечную осень.
Только падают птицы, как капли, с небес,
Но пощады не просят.

Я стою под окном, как последний дурак,
Но не вижу в нём света.
При всём прочем, прошла и любовь просто так,
Охладела, как лето.
Где-то чайки по мне не устанут кричать,
Одиночеству внемля.

Где-то лёгкое платье спадает с плеча
На остывшую землю.

Где-то фото стоит. На мгновение застыв,
Ты увидишь улыбку.
Значит, где-то я всё ещё молод и жив —
Оказалась ошибкой
Незаметная смерть. Так оклихни меня!
Протяни свои руки
К языкам уходящего в память огня,
К нашей вечной разлуке.

Китобой

Собака лает. Кажется, с трудом
Мерцают звёзды в небе Петербурга.
Среди окраин спрятался мой дом,
И сквозь туман доносятся оттуда
Знакомый уху шёпот половиц,
Протяжный стон петель, лишённых масла,
И тихий шелест выцветших страниц
Моих тетрадей.

Пасмурность прекрасна
Пока есть кофе, пахнущий тобой.
Твоё лицо мелькает в белой пене.
Я в ночь смотрю, как смотрит китобой
В пучину моря. Тающее время
Всегда ужасней, нежели его
Отсутствие. Безвременность коварна
И манит нас, вручая ничего
В конце пути.

И в водах заполярных
Находишь всё, что нужно моряку —
Свободу, стылый ветер, лёд и пламя,
Что вьётся в небе, вторя сквозняку
В моей каюте. Меж пятью углами

Брожу и я, пожёывая страх
Вернуться в порт, оставшись без добычи.
Идти вперёд на чёрных парусах,
Гарпун сжимая.

Ветер мелодичен,
Корабль крепок, руки мне верны,
Сладка свобода, время беспощадно.
Когда дары волхвов принесены,
Забывтый пастырь чувствует прохладу.
Да, жизнь одна и честь у всех одна,
А, значит, плыть, не требуя пощады,
Когда с небес холодная луна
Прошепчет нам холодное
«Прощайте...»

Пилигрим

Услышь меня сквозь сталь немых руин,
Запомни голос, выкованный хрипом.
Я – твой живой навеки пилигрим,
Чья молодость потрачена на битвы
С безумным морем, кажущимся мне
Жестоким светло-синим великаном,
Сжирающим отчаянных парней
Тягучими волнами. Капитаном
Идущего под воду корабля
Быть трудно, но достойно уваженья.
Как, стёртые канатами, болят
Мои ладони! Выйдя из сраженья
Потрёпанным, я знаю, что не всё
Кончается с затопленным фрегатом.
Пусть море шлюпку гордую несёт
К искомым берегам, туда, к закату,
Что плавится, как столь привычный воск
На тающих свечах у сердца храма.
Я думаю, что солнце родилось
В глазах людей, умерших в океане.

Промокшие письма

I.

Прости-прощай, заблудшая любовь,
Воздвигнутая мною на руинах
Истлевших жизней – брошенных стихов,
Скулящих псами, мёрзнущими в зиму
В глухих дворах на питерском снегу
Колючем сером, падающим в море,
Как в тёплые объятия на бегу
Мы падаем в час встречи или горя.

II.

Когда глядел я в жёлтое окно
Твоей квартиры, свет глядел мне в душу
И всё шептал на ухо: «Там темно,
Темно, мой друг, как в пропасти, но лучше,
Чем было прежде...» Прежде было всё
Намного проще. Веришь мне? Не надо.
Влюблённого поэта не спасёт
Слепая вера в жар и муки ада.

III.

Когда твой смех родился близ меня,
Я чувствовал прохладу, потому что
Он должен был закончиться. «Меняй
Прекрасный океан на твёрдость суши,
Коль хочешь рядом с ней быть...» Не могу —
Корабль жаждет ветра, милой соли
Могучих волн. Корабль на ходу,
И я в его каюте как в неволе.

IV.

Улыбка светит ярким маяком,
Улыбка светит солнцем. Улыбайся,
Любимая уставшим моряком,
Которого не встретить, не дожидаться.
Люби меня, как образ на стекле
В холодный день, в январский белый полдень.
Люби меня, как лучик, по реке
Сбегающий в долину на восходе.

V.

Люби меня любого: мертвеца,
Шута, поэта, воина, бродягу,
Художника, дворецкого, гонца,
Врача, сапёра, психа и беднягу,
С ненужными стихами на восток
Идущего сквозь вьюгу. Знаешь, мало
Домой ведущих снов или дорог,

Подземных рек, впадающих в Валгаллу.

VI.

На что мне жизнь, коль ты в ней не моя?
Смотря на пепел, снова вижу лунный
Холодный грунт. Мне кажется, стоять
На нём непросто. Если вечно юным
Остаться суждено мне, так и быть.
Противиться не буду – нет причины.
И жизнь забыть, и смерть свою забыть,
Оставив лишь тебя, как свет лучины

VII.

В избе, лишённой летнего тепла,
С порогом белым, печью незажжённой,
Стоящей на окраине села,
Покинутого всеми. Быть влюблённым,
Влюблённым безответно – быть живым,
Прикованным к постели, но не спящим,
Вдыхающим тоску свою как дым,
И сквозь шприцы смотрящим на входящих

VIII.

В палату грёз. Им всем не до меня,
Но в знак того, что память их не любит,
Они глядят на труп на простынях,

Что дышит через выцветшие трубки.
Они глядят, не в силах объяснить,
За что он пал в объятия приборов,
Что не дают подняться и уйти
В глухую тьму, подальше от их взоров.

IX.

Прости-прощай, заблудшая любовь.
Прости-прощай навеки – я измотан.
Я слишком много выбросил стихов,
Написанных тебе. На небе что-то
Уже который день летает над
Моею головой, забитой снегом,
Сияя, будто сотни мириад
Далёких звёзд, взошедших на поэтом.

X.

Да, жизнь горит, как вспыхнувший фитиль.
Смириться с этим или не смириться —
Решаешь сам. На море нынче штиль —
И шторм нашёл причину прекратиться.
И жизнь нашла. Но только не любовь.
Растерзанное сердце поднимает
Свои глаза и вновь толкает кровь
По порванным сосудам самурая.

«Оставайся чутким, ранимым, нежным...»

Оставайся чутким, ранимым, нежным.
Холодит не жизнь, а прощанье с детством.
И на скалах мыса Святой Надежды
Вспоминай прибой, исцеливший сердце.

Оставайся мягким, подобно пятке
Ахиллеса. Ты – не гранит, не мрамор.
Ведь Спартак, висящий среди распятых —
Всё равно Спартак, несмотря на раны.

Дождь

В рукав Неву заправить на бегу
К иссякшему источнику страданий,
Заглядывая в очи старику,
Грозящему блокадой изваяньям,
Застывшим средь величественных глыб,
Обглоданных дождём, как волчьей стаей.
Когда залив выплёвывает рыб,
Костлявый шторм, не прячьась, наступает
На горло вечным набережным. И,
Признаться честно, к этому привыкнув,
Уже не просыпаешься в ночи
От грохота прибоя. Ветер, стихнув,
От молнии и грома прикурив,
Уляжется под аркой, ибо поздно,
И шторы глаз свинцовые закрыв,
Забудет о горящей папиросе.

Retrouvailles

Я вернулся туда,
Где заря покрывается пеплом,
Где тоскует вода
По рыдающим тучам, по белым
Простыням декабря,
Где нетрудно сказатья простывшим
И смотреть, как горят
Одинокие звёзды над крышей.

В хмуро-пасмурный день
Отправляется грохот трамвая,
Словно чёрная тень,
Убежавшая ночью из рая.
Застывает земля
В неизменной гримасе удушья,
И минорное «ля»
Холодит покрасневшие уши.

Где-то ветреный вальс
Избегает замученных взглядов,
Где-то гаснут сейчас
Чьи-то лампы от нежности града,
Где-то криком весна
Озаряет младенческий кокон,

Где-то мне не до сна
В бесконечном мерцании окон.

То ли грусть тяжела,
То ли небо упало на плечи,
То ли юность прошла
Сквозь пустые, но длинные речи,
То ли солнце взошло,
Полумрак не рассеяв, не тронув,
То ли жить хорошо
В колыбели имперской короны.

Вот я вновь на бегу,
Не лишённый задумчивой маски,
Окликаю тоску
И Неву под мостом Володарским,
Окликаю свой крик,
Но врезаюсь в бетонную стену.
И лишь солнечный блик
Заползает в набухшую вену.

Здесь любовь по рублю.
Здесь, куда ни помотришь – разлука.
Ветер равен нулю,
Ибо осень приходит без стука.
Замахнувшись на смерть,
Замечаешь лишь тень от испуга —
Просто ей умереть
Не такая большая наука.

Славься, вечная жизнь
В задымлённых и пыльных квартирах!
Только б чувства неслись
По останкам заблудшего мира,
Только б было, куда
Положить, докурив, сигарету,
Только б пела вода
Об ушедшем вглубь разума лете,

Только б знала Нева,
Как любил я холодные волны...
Смотрит в душу сова
И моргает под стук метронома.
Льётся утренний дождь,
Размывая надежды слезами,
И невольная дрожь
Говорит о стихах с небесами.

Дорогая страна
Долгих зим и короткого лета.
Не любовь ли она?
Нет – прогнившая насквозь карета.
Кони тянут её,
Проходя между счастьем и болью,
Между ночью и днём,
Под моей безответной любовью.

Где-то тлеет огонь,

И скрипит пара сломанных стульев,
Умолкает перрон
В дикой страсти своих поцелуев,
Где-то кажется, что
Эта осень милее прошедшей,
Где-то вера в ничто
Нынче рядом с умершей надеждой.

Только чайки кричат
Под металл колокольного звона,
Только ветру крепчать
Под раскаты далёкого грома.
Если где-то ещё
Пробивается свет через тучи,
Значит, всё хорошо.
Значит, будет когда-нибудь лучше.

В кафе у фонаря

Я ужинал в кафе у фонаря,
Хрустел капустой, глядя на дорогу.
Краснела в кресле рядом недотрога,
Тушёного вкушая глухаря.

Я маялся, не зная, как уйти —
Мне было скучно, серо и невкусно.
И не казалась кислою капуста,
Не будоражил кровь аперитив.

Трамваи всё утюжили пути,
И люд тонул в снежинках понемногу,
А недотрога мне читала Блока,
Но я всегда был мыслью впереди.

Я ужинал в кафе у фонаря
Уже один, поскольку негалантен.
Пугали своей жирностью салаты,
И утка в сое всхлипывала «кря...»

Я ужинал в кафе и не сводил
Очей с окна, вдыхающего полночь.
И апельсина вкрадчивая горечь
Вплывала в грудь того, кто разлюбил.

А снег валил, стараясь замести
Осколки луж, рассыпанные всюду.
Я не касался вилкою посуды,
Надеясь встать, качнуться и уйти.

Ну, встать – я встал, но более ничто.
Стекло окна меня не отпускало.
И колокольня пела меж висками,
И счёт, как ноша, сдавливал плечо.

Была зима, и пахло лишь тоской.
Хрусталь с домов свисал подобно бомбам.
И боль, как на дешёвых кинопробах,
Хватала всех костлявою рукой.

«Мы пили воду, жалуясь на вкус...»

Мы пили воду, жалуясь на вкус
Её молекул, падающих в почки
Как в пропасть чередою грязных бус,
Свернувшихся в прозрачные комочки.
Она казалась ядом животам,
Урчащим от реальности, но чище
Питья не сыщешь в месте, где к китам
Приходит от смерти от выловленной пищи.

Мы ждали солнца, глядя в пустоту
Ночных небес, накрытых покрывалом
Из чёрной ткани, ставшей на ветру
Ещё темней, чем прежде. Мы считали,
Что стоит небу выплюнуть рассвет,
Польётся смерть из разума тягучей
Рекой тоски, но космос разодет,
А наше небо носит только тучи.

Мы жгли табак, рассчитывая на
Целебный дым, что смазывает душу
Людей, испивших боль свою до дна,
Почувствовав лишь привкус стылой лужи.
Бессонный век, как образ бытия,
Холодный дождь, как музыку победы,

Принять не трудно. Трудно не принять,
Как палочку во время эстафеты.

«Кричала детвора, напуганная псами...»

Кричала детвора, напуганная псами,
Скрываясь во дворах, где нет горящих ламп
В тех окнах, что глядят бездонными глазами
На треснувший асфальт и рваный белый бант

Упавшей на бетон девчушки с голубыми
Глазами, не под стать осенним небесам.
Мы ходим под луной с рождения седые,
Но ходим – шлю привет отважным праотцам.

Так крутится волчок, не обращаясь в пепел,
На залитом вином и праздничном столе.
На всю играет вальс, и, двигаясь нелепо,
Толпа несётся в пляс уже навеселе.

Невесте жмёт подол, жених не помнит дату.
Гостям уже плевать, кто холост, кто женат.
И высохший табак со вкусом стекловаты
Всё чаще тлеет и срывается в салат.

Зачем-то жмёшь на газ в измученном и ржавом,
Замыганном авто и едешь в никуда.
Оса вонзает в глаз отравленное жало,

И взгляд на жизнь течёт как тушь или вода —

И видишь, как дрожит земля от поцелуев
Стальных холодных бомб осеннего дождя;
Как гаснет взгляд того, кто знает, что, зимуя,
Погибнет от тоски, в март месяц не войдя;

Как каркает у ног фонарных канделябров
Взвод бешеных ворон, ниспосланных в наш мир
Из дьявольских хором; как веет от снарядов
Всемирною бедой; как полнится эфир

Невинной болтовнёй о крови и разврате;
Как люди на мостах с тоскою смотрят вниз,
Жалея, что живут мечтою о зарплате,
Жалея, что сошли с небес и родились;

Как крутится в грязи рублёвая монета;
Как старый конь хрипит, по площади идя;
Как, в общем-то, теперь плевать на эполеты,
Горящие огнём имперского шитья...

А где-то за окном на голом полустанке
Дрожит облезлый пёс, голодный до тепла.
Налейте в миску спирт и приучите к пьянке —
Садятся на стакан за добрые дела.

И стекало вино

Он разглядывал тьму сквозь железо дверей,
ковырялся в замках зубочистками, но
в кражах не преуспел. И стекало вино
на остывшие спины осенних ветвей.

Он дробил свою жизнь и в запястья вбивал
чёрно-белые сны, что не снятся давно.
Он хотел быть другим. И стекало вино
с сероглазых небес на безлюдный вокзал.

Он всегда говорил, что прощают не всех,
что любовь – лишь актёр в неудачном кино,
что боится любви. И стекало вино
на отсутствие веры и плотских утех.

Он дрожал на ветру, но пальто не носил,
всё стучался в свой дом, стоя к свету спиной.
Только руки тряслись. И стекало вино
на холодную землю старинных могил.

Он не знал, что умрёт. Был уверен, что жив.
Только думал, что ад – это там, где темно.
Он ошибся во всём. И стекало вино
тёмно-алым дождём в беспокойный залив.

Шизофрения

Мой врач всё крутит пальцем у виска,
Могу понять, могу, но не желаю.
Как кобра за мгновенье до броска
Податливую челюсть разжимает,
Так смерть мне отворяет свой дворец —
Немое царство тёмных коридоров.
Я – глупый, в рай не верящий юнец,
Преследующий славу острослова.

Фонтаном скорбь исходит из меня,
Лекарства нет. Надежда – не плацебо.
Как больно, когда свечи не горят,
Как больно, когда слёзы льются с неба.
Зудит и ноет вспоротый живот,
Худой конец на радость не рассчитан.
Пока ещё шумит водоворот —
И значит я не числюсь среди убитых.

Покой – есть власть над страхом. Слышишь смех?
И я не слышу. Вот ведь неудача!
Среди скрипящих радиопомех
Связисты различают звуки плача.
То плачу я, оторванный от вас,
В пустом пространстве, комнате без окон.

И две звезды закрытых ныне глаз
Сияют горькой мудростью пророка.

Дальний свет

Я как выпавший в море осадок,
Рыжий дождь, растворяющий тучи.
Разум раненный брошен в засаде
Тем приказом, что не был получен.

Птицей вьётся над вишнями лето,
Пашни пахнут свободой и счастьем.
Только тлеет мой век сигаретой,
Заплутавшей у дьявола в пасти.

Это милое-милое дело —
Убегать в зазеркальную вечность.
То, что может не вынести тело,
На горбу тащит в марево печень.

И над всем этим плавится солнце,
Загоняя во тьму большеглазых.
Ртом хватаешь не воздух, а стронций,
Оказавшись без противогаса.

Сердце скачет в груди со скакалкой,
Жизнь гудит паровозом на север.
И мальчишка, потрёпанный палкой,
Подорожник меняет на клевер.

Лужи пахнут балтийским приливом,
Соль вкуснее вдруг стала, чем сахар.
И желает семь футов под килем
Мне раздутый от выпивки пахарь.

Ночь советов ложится на город.
Лунный свет всё мне кажется дальним.
И, скрещённый с серпом, ржавый молот
Гнёт отчаянных на наковальне.

Балтийский хлад

Как ржавый лист, спадающий на грунт,
Рыжеет город, тронутый прохладой.
И ветвь, под стать гусиному перу
В моих руках, дрожит. И колоннада
Казанского собора стынет на
Октябрьском ветру. А лужи, будто
Балтийский хлад, не ведающий дна,
Собой являют лёгкую простуду.

И глушит насморк громкие слова
Моей любви к свинцу, как к части неба.
И полон взгляд истлевшего дотла
И сыростью разбавленного пепла.
И жизнь струится лёгким сквозняком
Меж старых рам и выпавших в ночь стёкол.
И хмурый дождь вновь плачет ни о ком
Под мерный хрип и кашель водостока.

«Горизонт испытан такой массой взглядов...»

Горизонт испытан такой массой взглядов,
Что не сосчитаешь, но никто не просит.
Поменяв монету на стаканчик яда,
Не решился выпить – не хватило злости

На судьбу такую. Наконец, я дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.